

Т

ак вышло, что с полотнами Ворошилиных — Александра и Ирины — я встретился впервые вовсе не в Воронеже, где уже прочно поселилась молва о них как о художниках самобытных, щедрых талантом и мастерством. Их слава уже искала выхода на новые горизонты и достигла просторного фойе Государственной Думы. Ровно в тот момент мы, сборкоры «Парламентской газеты», съехавшиеся на совещание со всех российских провинций, по велению начальства эту выставку в парламенте и посетили. Надо честно сказать, шли мы на нее без большой охоты, потому что накануне уже имели ошеломительный опыт знакомства с дерзновениями столичных гениев инсталляций и перфомансов. Но тут, вопреки ожиданиям, что называется, пришлось по вкусу. Именно у ворошилинских картин мой мудрый коллега сказал:

— У этого художника умные глаза и чистая душа.

— Само собой, это ведь наш, воронежский, — вспыхнула во мне земляческая гордость, но и недоумение проклюнулось: — Понятно, о душе ты мог подумать, а где узрел глаза?

— Ну, об этом еще древние греки знали, что глазами душа не только видит, но и сама видима в них...

Столько лет дремала в памяти та история и всплыла волею мимолетного случая, когда мы встретились с Александром Александровичем Ворошилиным, чтобы условиться о его юбилейном представлении в журнале: 60 лет — века, что и говорить, значимая, а 35 лет в искусстве — и вовсе впечатляюще! Так вот, правы были древние философы. Взгляд у художника был пронизательным и усталым (скорее всего, от напряжения в постоянной работе), и душа виделась мне в его глазах очарованная и мятежная, ищущая и пытливая. Словом, богатая душа, которая в награду, а не в наказание осчастливила человека даром творца. И он оказался того достоин. Хотя, конечно же, по жизни выходило не все так просто. Взять хотя бы изначальную ситуацию: Александр не раз говорил, что с детства мечтал стать художником, но учиться пришлось в сфере пограничной — архитектурно-строительной.

— Это правда, влечение к рисованию у меня пробудилось очень рано. Азы изобразительного искусства я получил в Воронежской художественной школе, у за-

мечтательного педагога Евгении Михайловны Романовской. Благодарен за уроки Александру Вадимовичу Саввину, Валентине Иосифовне Суминой... Они создали удивительную творческую атмосферу, пробудили неформальный интерес к занятиям, искусству вообще. Было много поисков, метаний. Начинал с копирования «Троицы» Рублева. Потом увлекся импрессионистами, сюрреализмом Дали, не реалистическими тенденциями в творчестве других художников. Много занимался подражанием. К счастью, спустя годы это преодолел. А тогда казалось: выбор мой очевиден, ведь и дядя у меня был художником-плакатистом, работал на Украине...

Однако в жизни не все очевидное вероятно. Мечты споткнулись о нехитрую житейскую ситуацию: надо было получать высшее образование, но тогда в Воронеже не то что специализированного художественного вуза — даже факультета подобного не было. В другой город родители не отпускали категорически. Пришлось поступать в инженерно-строительный институт. Стал архитектором, о чем, впрочем, не жалеет. Потому что обрел редкие навыки объемного мышления, способность видеть вещи в перспективе, в пространстве. Он даже два года отработал в проектной группе главного архитектора Воронежа Петра Павловича Даниленко. А дальше — словно по классике: «чин следовал ему — он службу вдруг оставил». Вот в чем она, мятежная душа: она влекла к мечте, готовила к главному в жизни. Потому — резкий поворот. Ворошилин основал детскую изостудию, стал там преподавать, а свободное время посвятил творчеству.

Вовсе не случайными кажутся сюжеты работ, исполненных и в тот период, и чуть позже как реминисценции прошлого. Его палитра распахнута жизни. Что бы ни смотрел, но возле восхитительно «детской», нежной и чистой, как белая зима, картины «Снежок» непременно остановишься: чудные заснеженные холмики, с уютными избушками, волшебными деревьями, мальчик на склоне тянет-потянет саночки свои. Так и вспоминается: «Вот качусь я в санках по горе крутой...» Но наряду с ребяческой ностальгией всплывают из памяти и более ранние сюрреалистические мотивы его полотен «Листопад» и «Перед Рождеством», «Финал» и «Гранатовый плод». Мазок к мазку, цветовой акцент в контрасте с пространством, размытым туманом... Формируется, кристаллизуется тот неповторимый ворошилинский стиль, поразивший искусствоведов своим разнообразием и неоднозначностью, чрезвычайно насыщенной образностью.

Он заявляет о себе как художник-интеллектуал. Как-то еще на заре своей популярности Александр расшифровал журналистам загадочную символику, запечатленную в картине «Гранатовый плод». И поразила эта способность выстроить, соединить в новый смысл вроде бы понятные вещи. Гранат — по-восточному, символ страданий Иисуса Христа; здесь же лик Спаса: фрагмент иконы Андрея Рублева; мрачный проем в Иерусалиме, через который пролегал крестный путь Иисуса; ключи — возможность открыть дверь... Христос говорил: «Я есть дверь»; книга — символ знаний; лестница — путь, по которому через страдания должен пройти

Александр Ворошилин

и человек, неся свой крест; но это путь к вершине; а сверху — святой дух в виде голубя, церковь — наша православная вера...

Ворошилин как-то отметил, что тогда он старался найти для себя тот стиль, который был бы приемлем для отражения своих мыслей и который должен быть при этом технически совершенным. И вновь нужно было столько преодолеть, чтобы постигнуть себя.

— У меня не было мощной академической подготовки. Пришлось уйму времени посвятить постижению техники масляной живописи. Моими наставниками стали произведения других художников, которые я смотрел в лучших отечественных и зарубежных музеях и галереях. Слава Богу, такая возможность стала реальной. Страну, всю нашу жизнь захлестнули, перевернули перестройка, потом реформы. Но этот перелом, общественный тектонический сдвиг я воспринимаю как знак судьбы. Было трудно, совсем небогато, многое было непонятно. Но мы полной грудью вдохнули воздух свободы. Раньше над нами довлели всякие выставкомы, диктовали, что выставлять. А тут идеологические пломбы сорваны, запреты сняты. Мы стали выставляться даже за рубежом.

И вскоре настало время, когда ворошилинские полотна на столичных выставках и в галереях, в залах других российских городов, в Белоруссии, Польше, Германии, Бельгии вызвали восторг публики, интерес и одобрение профессионалов и искусствоведов. Нужно подчеркнуть одну особенность этой выставочной деятельности: практически всегда они создавали единую экспозицию — Александр Александрович и его супруга — Ирина Владимировна. А в последнее время их поддерживает своими творениями и дочь Анна. Сам Ворошилин такое творческое сосуществование объясняет просто:

— В нашей семье это организовалось само собой, естественно. Ирина — тоже выпускница архитектурного факультета ВИСИ. Но также занялась творчеством, успешно работает в технике батика, фьюзинга, эмалей. Анна, хоть и трудится ар-

Творческий совет Ворошилиных

хиткером, но плодотворно реализует себя в искусстве. Ее предпочтение — эмали. Мы создали свой мир, в котором живем и работаем. В нем растет наше творчество. Вот Ирина — генератор идей. Как-то с выставки в Ярославле привезла технику работы горячей эмали на меди. Первой освоила новое искусство и меня заразила. Потом открыли секреты фьюзинга — это особая техника спекания стекла в печи — температура 800 градусов! Все это дает дивный простор для фантазии, а сам переход от одной техники к другой снимает усталость, напряжение, дает возможность передохнуть. Вот так помогаем друг другу. Хотя каждый из нас личность самодостаточная, но эта помощь ценится особо. Есть полное взаимопонимание и трепетное отношение к трудам не просто коллеги по творчеству, но и близкого человека.

Наверное, феномен этой творческой семьи уникален не только для Воронежа и достоин, несомненно, отдельного рассказа. И если сегодня больше слов достается Александру Александровичу, так и причина уважительная — юбилей главы, но опять же, семейства. И как следует из его слов, единство их родственного творческого союза не ограничивает, а расширяет возможности дарований каждого, разнообразит пристрастия.

О каждой из ворошилинских выставок можно много рассказывать — они всегда знаменуют особый этап творчества художников. Столичный искусствовед Галина Пикулева отмечала: «В выставочных залах Москвы воронежские художники проявили высокий уровень письма на персональных экспозициях в Московском общественном фонде культуры, в галерее АСТИ, на Международном салоне ЦДХ. Работы членов Международной федерации художников ЮНЕСКО обрели почитателей в эксклюзивных коллекциях России, Европы, Америки». В работах Александра Ворошилина специалисты открывают художника, который «погружен в философские чувствования первоначальных начал бытия». А член Международного художественного фонда, искусствовед Натэлла Войскунская восхищается: «Эмаль Ирины Ворошилиной «Бабочка» будто «слетела» с одноименного стихотворения Иосифа Бродского:

На крылышках твоих
Зрочки, ресницы —
Красавицы ли, птицы —
Обрывки чьих,
Скажи мне, это лиц
Портрет летучий?..»

Итоговый вывод: следуя традициям русского лубка, иконописным канонам, Ворошилины позитивно утверждают художественный язык, который соответствует новым изобразительным течениям вступившей в силу эстетики двадцать первого века.

Очевидно, рубежное значение для воронежских художников имела выставка «Возвращение к свету», которая несколько лет назад состоялась в Белгороде, а затем с большим успехом экспонировалась в Минске, Лиде (Беларусь). По мнению искусствоведов, как раз в представленных на ней работах в наибольшей степени было выражено очарование и оригинальность ворошилинского стиля. От иконописи в выставленных полотнах виделись условность и символизм, сила и пронизательность взгляда святых, Божественное начало всего сущего. Русская лубочная живопись придала картинам красочность, позитив, аппликативность. От классического изобразительного искусства — библейские сюжеты, глубина человеческих переживаний, прелесть и лиричность природы.

Посетители выставки, специалисты восхищались образом «ворошилинской Мадонны», представшей в виде ангела на картине «Скоро Рождество» — ангела,

самоотреченно и любовно стерегущего наш покой. Одухотворенностью и жертвенностью, высокой мерой ответственности за сохранение мира земного пронизан холст «Моление». Простота, но в то же время элегическое величие, эмоционально насыщенный колорит отличают картину «Поздняя осень». Кажется, что драма жизни завершается, но смотришь на тепло-золотистое небесное сияние и чувствуешь, что придет время и возродятся вновь и вера, и любовь, и надежда...

Столь же чудесны были и наполненные теплотой, радостью и нежностью лирические работы Ирины «Музыка небес», «Осенний этюд», «Летающие лепестки»...

Особый нравственно-духовный камертон этому визуальному художественному пространству придали стихи и прозаические тексты протоиерея Николая Германского — инициатора и вдохновителя экспозиции, друга Александра Ворошилина.

— Конечно, это было как предначертание свыше. Отец Николай сделал предложение о совместной выставке. Мы ее готовили с особым душевным настроением и подъемом. И она имела большой успех и в Белгороде, и в Беларуси. Я благодарен ему... Духовная тема мне близка. Современную жизнь полезно осмысливать с точки зрения религии. Ведь православие неотделимо от наших традиций, сознания. Без веры человек теряет жизненные ориентиры. А с возрастом все больше думаешь о душе. Очевидно, эти сюжеты будут положены в основу новой юбилейной выставки...

Он любит побродить по улочкам старого Воронежа. Древние домики и церквушки, то ли спускающиеся с небес, то ли убегающие от водохранилища. Крутобокие холмы, фантазийно разукрашенные осенью. Разноцветные крыши домов внизу, далеко внизу — так и кажется, что летишь над ними с замирающим от восторга сердцем. И если под рукой мольберт, то лягут на холст изумительные мазки. А если вышел налегке, то настроение вдруг сложится в нечаянные строчки:

Из холста и кистей смастерил себе крылья,
Щедро краски в дорожный рюкзак положил.
Был недолог с землею момент расставанья,
И, подхваченный ветром, я низко поплыл...

Впрочем, краски надежнее слов...

Потому мы и можем на его картинах увидеть Воронеж таким, каким был город однажды, когда на него смотрели с такой любовью.

